

An illustration of a man with dark hair and a beard, wearing a white hoodie, holding a black smartphone. He is looking at the phone with a slight smile. The background is a hallway with a blue emergency light on the wall and a framed picture. The lighting is soft and focused on the man.

М.В. КУПЕР

СУДМЕДЭКСПЕРТ

Мистический рассказ, основанный
на реальных событиях

Мария-Виктория Купер

Судмедэксперт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69563638

SelfPub; 2024

Аннотация

Что делать, если с тобой начинают говорить пациенты морга? Николай Петрович – молодой судмедэксперт, честно отработывающий целевое обучение в обычном судебно-медицинском бюро. Ему не нравится профессия, но что поделать, если так решили за него: сначала старший брат, а потом и высшие силы. Обложка создана автором с помощью нейросети Stable Diffusion.

Мария-Виктория Купер

Судмедэксперт

Я вышел из судебно-медицинского бюро позже обычного. И всё из-за того, что начальник добровольно-принудительно попросил поработать за Сигову в грязной секции. Всё бы ничего, но каким-то чудом на смене не было ни ассистента, ни санитаря. Пришлось самому ковыряться от и до. Ещё и пациента привезли отвратительного. То ли дело моя лаборатория с микроскопами и красителями! Чисто, светло и никаких тошнотворных запахов...

Сам того не замечая, я дошёл до спортивного зала, толкнул обшарпанную деревянную дверь и зашел внутрь. У нас в городе был крутой спортивный центр, но мне нравился этот: здесь всё было так, как и десять лет назад. Сюда приходило очень мало народу, и всех постоянных посетителей я знал, только с бешеной скоростью менялись администраторы. Вот и сегодня меня встретила новая девушка. Симпатичная блондинка устало улыбнулась и спросила:

– Мы через час закрываемся, вы успеете позаниматься?

Я молча ей кивнул, показал абонемент и поспешил в раздевалку, чтобы скорее переодеться.

В зале было пусто. У меня теплилась надежда встретить студенческого друга Вальку Борова, но, видимо, я сильно задержался.

Недолго думая, занял беговую дорожку и медленно пошёл. Где-то над головой зашумел посаженный динамик, выплёвывая клубную музыку.

“Что? Клубняк? Сразу понятно, что админка первые дни в нашем зале работает. Тут всегда играет рок. Так. Сейчас разомнусь на дорожке и поговорю с ней.”

Но я поймал ритм и зашагал в темп. Это оказалось весьма забавным и увлекательным. Эта музыка придавала мне энергии, гасила усталость и раздражение.

Вдруг рядом появилась мужская фигура: чуть выше и шире меня. Это был Боров.

– Колян, ты чего сегодня так поздно?

– А ты что припозднился?

– У нас такая молоденькая медсестричка пришла. М-м-м... – Боров игриво подёргал бровями.

– Вот ни одной юбки не пропускаешь! Ты когда-нибудь в венеричку попадёшь.

– Я же не дурак. Сначала в отдел кадров зашёл и медкнижку посмотрел, – хитро скривил пухлые губы мой друг. – Ну а ты чего?

– Да начальник! Попросил поработать в другой секции. Вот я там умотался без помощников, – я не прятал раздражение, но тщательно скрывал даже от Борова, что начальник – мой брат. – Мне надо немного позаниматься, эмоции выплеснуть.

Боров встал на соседнюю беговую дорожку и энергично

пошёл, сотрясаясь горой мышц. Его массивные щеки смешно дрожали при каждом шаге и окрасились красно-розовым румянцем, а курчавые волосы налипли на лоб. Затем он спросил, задыхаясь:

– Почему тебя попросили? Других врачей не нашлось?

– Я должен ему. Не получилось слинять.

– А-а-а, ну да. Лично я ненавижу быть кому-то должен, – задумчиво проговорил Боров и прибавил темп.

– Сам виноват. Согласился, дурак, на эту халявную ординатуру. А теперь и отказать не могу, – рывкнул я, выкрутил темп дорожки и побежал.

Пот выступил на лбу, взмокла спина и подмышки.

Тонкий, пронизывающий гнилостный запах пополз вокруг меня. Я принюхался и с ужасом понял, что от от моих волос и от моей кожи несёт жировоском! Ароматы сегодняшнего утопленника насквозь пропитали меня. Волосы встали дыбом от этой жуткой вони.

Боров учуял отвратительный запах, сморщил нос и с сочувствием посмотрел на меня.

– Колян, ты чего? Диарея?

– Да какая диарея! Поработал в секции экспертизы трупов! – выпалил я в бешенстве. – Ненавижу вскрытия! Тем более, когда все органы – мешанина в жировоске!

Я резко остановил дорожку, забежал в раздевалку, забрал вещи и рванул к дому. По дороге мысли выжирали меня изнутри. Я быстро-быстро шёл, почти бежал. Надо было как

можно скорее добраться до ванны и смыть с себя этот ужасный трупный запах.

“Ну что за работа! Ну что за день! Почему я должен терпеть эту вонь. А-а-а!”

И тут я остановился: светлая мысль пришла в мою голову.

“Вообще, что я истерю. Надо пойти к брату, поговорить с ним и расставить все точки над ё. Он мой родной брат. У нас мама одна, в самом деле! Да! Я сейчас же пойду к нему, пусть ставит обратно на гистологию. Не мои проблемы, что в городе судмедэкспертов больше нет.”

Я резко обернулся вокруг себя и побежал домой к брату: благо, жил он в соседнем квартале.

Набрал на домофоне номер квартиры. Поднялся на третий этаж и дёрнул за ручку красивую чёрную дверь. Она поддалась, и я залетел в коридор.

Меня встретил брат, толстый смуглый мужчина чуть старше сорока. Массивная шея и пухлые руки источали благополучие. Лицо красила довольная улыбка. На нём была белая рубашка и чёрные брюки: куда-то собирался. Внезапно из-за его ног выскочил пушистый пудель и запрыгал вокруг меня, громко лая и пытаясь лизнуть руки.

– Коля, ты почему не позвонил, не предупредил? Мы с Раисой собрались в ресторан, – радушно сказал мужчина, поднимая собачку на руки.

– Привет, Коля! – выкрикнула женщина откуда-то из квартиры.

– Бахтияр, я так не могу работать. Убери меня из секции трупов. От меня вонь идёт на три округа! – выпалил я, схватившись за волосы.

– Ты чего такой бешеный? Разувайся. Поговорим.

Бахтияр надавил мне на плечо, и я плюхнулся на белую бархатную банкетку.

– Раиса, позвони в ресторан, пусть отложат на полчаса нашу бронь. Коль, проходи на кухню, обсудим.

Я скинул кеды, бросил на мраморный пол сумку, прошёл длинный коридор и уселся на шикарный бархатный стул. Напротив реасположился брат.

– Ну и что ты ещё хочешь? Почему тебе всё мало? – уставшим голосом сказал Бахтияр и сложил руки на груди.

– Я ничего не говорю, я тебе всей жизнью своей обязан. Но блин, Бахтияр! Это же издевательство. Ты же знаешь, что я не могу нормально с трупами работать. Я поэтому в гистологию и ушёл. Ну-у-у, не моё это – тела резать! – выпалил я, понимая, что в глазах Бахтияра выгляжу, как раздражённый и недовольный ребёнок.

– Коля, ты меня тоже пойми. Мне кого туда ставит? Дырка в кадрах, дырка! Выручай меня. Сигова в длительный отпуск ушла.

– Ну и не пускал бы ее никуда, пока врача из столицы бы прислали. Можно же как-то решить этот вопрос без моего участия?! У меня нос чувствительный, я не могу! – рассердился я и закатил глаза.

– Нельзя без тебя. Сигова беременная, я не имею права ей отказывать в отпуске и уволить не могу, чтобы прислали кого-то ещё. Только после её официального декрета нам пришлют специалиста! – Бахтияр тоже начал взрываться, но пытался сохранить хорошее настроение.

– Что? Сигова беременная?

Реальность поплыла передо мной. Эта новость стала катастрофичным завершением сегодняшнего дня.

– Раиса, иди сюда. Плесни нам настойки, – пробасил Бахтияр и с сочувствием посмотрел мне в глаза.

На кухню пришла низенькая Раиса с накрученными чёрными волосами. Длинное золотое платье аккуратно подчёркивало тонкую талию, а белый пиджак скрывал полноватые бёдра. Она тоже была готова к выходу. Женщина изящно выставила перед нами стеклянные стопки, солёные грибочки и небольшой бутыл с тёмной, почти чёрной жидкостью. Бахтияр разлил настойку и продолжил разговор.

– Да, Коля. Написала она заявление на отпуск. Не может работать из-за токсикоза. Я предложил перевести её в гистологию, но она не согласилась. Справку показала, что у неё пять недель. А вы когда расстались? Не твой ли ребёнок, а? – по-отечески спросил Бахтияр и зажевал грибочек.

– Теперь всё понятно... Какая же она крыса, в самом деле. Она меня не просто так бросила. За моей спиной встречалась с кем-то, – с отвращением сказал я и залпом выпил стопку. – Не мой ребёнок. Мы окончательно расстались пол-

тора месяца назад.

Ненависть и злоба кипели во мне адским пламенем. Хотелось, чтобы эта Сигова так же страдала, как и я.

– Тебе придётся идти на её место, а в гистологии я обязанности между другими распределяю. Больше у меня компетентных врачей нет. Только тебя можно поставить в секционный зал, понимаешь? Наших всех учить надо, а это огромные траты. Из столицы ждать ещё пять месяцев кого-то.

Я до конца не переварил информацию и, охваченный эмоциями, схватил стопку, налил и выпил.

– Нет-нет-нет, Бахтияр. Ты не можешь со мной так поступить.

– Коля, я не спорить тебя позвал, а поговорить. Ты в моё положение тоже войди. Поработай пять месяцев и иди в отпуск без содержания. Или потом больничный тебе выпрошу какой, есть люди в хирургии. Ты и так почти всё время в гистологии просидел. Куда тебе эти пять месяцев упёрлись.

– А ты справки видел, что она действительно беременная? – я не мог уgomониться. Во мне кипело отвратительное ощущение, что меня растоптали, использовали.

– Видел. И заключение гинеколога, и распечатку УЗИ, и видел, как она по утрам блевать бегаёт. Да что ты всё о ней! Давай о делах.

– Давай.

– Коля, ты мне даже по закону отказать не можешь. Я тебя от бюро отучил в вузе и ординатуру оплатил. Ты просто обя-

зан работать там, куда я тебя отправлю. Ещё год тебе осталось. Отработай пять месяцев, а потом езжай, куда хочешь. Стаж идти будет, а ты отдохнёшь. Согласен?

– Согласен, – покорно ответил я.

Бахтияр выпил первую стопку и откусил гриб.

– Коля, у меня есть ещё проблема: ассистентка Сиговой уволилась вчера, а санитаря я сегодня за пьянство выпер. Надо графики все заново составить, вакансии открыть.

– Вот-вот. Я сегодня один крышку черепа пилил! Это издевательство. Дай мне ассистента и санитаря. Тогда обещаю, что буду терпеть, молчать и радоваться! – меня начал брать алкоголь. Я пригубил ещё одну стопку и широко зевнул.

– Ну всё, братишка. Хватит тебе. Завтра с восьми работаешь, а то напьёшься и проспишь.

Бахтияр встал, закрыл настойку и убрал её вместе с грибами в холодильник. Затем важно посмотрел на кварцевые часы и крикнул жене:

– Раиса, пойдём. Проводим его и как раз в ресторан успе-ем.

***

Я добрался домой без приключений. В полнейшем расстройстве помылся, истратив целую банку геля для душа, и лёг спать. Мысли о Сиговой не унимались. Я лежал в темноте, а перед глазами в красках всплывали воспоминания. В сотый раз пересматривал и переживал все счастливые и отвратительные моменты наших отношений. Потом картинки

становились зыбче, и я провалился в сон.

Мне снилось детство: деревенский дом, молодая мама в цветастом халате, река, летние вечера и сливовые сады... Вот я уже тянусь, чтобы сорвать сливу, такую жёлтую, спелую и ароматную... И в ушах зазвенела резкая мелодия будильника.

Я взглянул на время. Восемь утра. Восемь?! Как? У меня работа! Чёрт возьми!

Надев первую попавшуюся кофту и натянув штаны не первой свежести, я выбежал из дома и помчался в сторону судебно-медицинского бюро. На ходу позвонил в регистратуру.

– Судмедбюро, слушаю! – резко ответил противный женский голос.

– Галя! Это Николай Петрович. Я бегу. Скажи, если будут спрашивать, что я в пробке.

– Ой! Доктор Носков! Доброе утро, – голос подобрел и потеплел. – Я уже сказала про то, что вы в бухгалтерию забежали. Бахтияр вас искал. Злой, как чёрт.

– Спасибо, Галя. В долгу не останусь.

Я бросил трубку и помчался ещё быстрее. Если меня искал начальник судебно-медицинского бюро Бахтияр Бахтиярович Айдаров, то это не предвещало ничего хорошего. На работе брат был настоящим зверем: грубым, чёрствым и очень неприятным человеком. А ко мне он выказывал вечно напускное недовольство, чтобы никто даже не подумал, что

мы родня. Но я на брата никогда не обижался, потому что знал: это необходимо для нашей безопасности. Бахтияр для моего образования провернул махинацию, и поэтому очень боялся разоблачения и подрыва своего авторитета.

Я ворвался в бюро, залетел в ординаторскую и уже в восемь двадцать был в секционном зале. За пустым металлическим столом для вскрытия стоял Бахтияр Бахтиярович, гневно раздувая ноздри. Он казался ещё выше и шире. Я сразу же понял, что мне кранты.

– Николай Петрович! Время! Вас нет на рабочем месте! – начал отчитывать меня брат.

– Бахтияр Бахтиярович, я был в бухгалтерии. Надо было документы на отпуск проверить... – быстро придумал я и выдохнул.

– Какой отпуск! Николай Петрович! Мы же всё обсудили по поводу работы ещё вчера! – брат закипал. Лицо его побагровело.

Кто-то чихнул позади меня, и я с ужасом понял, что мы не одни. За мной в углу на табуретке сидела тощая блондинка лет двадцати.

– Это ваша новая ассистентка, – раздражённо сказал Бахтияр и указал рукой на девчушку, которая сразу же задрожала, сделалась ещё мельче и тоньше.

– Вы ей всё объясните по работе, будьте добры. И сразу же вдолбите сотруднику в голову, что опаздывать на работу – это нарушение, которое я занесу в личное дело!

– Бахтияр Бахтиярович, я обещаю, что больше такого...

– Хватит, Николай Петрович! Хватит! Мы вас двадцать минут ждём. У меня есть еще одна новость для вас, Николай Петрович. Вы будете работать ночные смены. График труда составим по закону, не переживайте.

– Ночные же на Зингере?

– Нет больше Зингера. Инсульт. Послезавтра похороны, – спокойно сказал Бахтияр.

Я замолчал, потому что знал, что Зингер и Бахтияр были друзьями. Это тоже держалось в тайне, но мне посчастливилось бывать на их веселых загородных застольях с гитарой и душевными студенческими историями...

Настя сидела в углу, как мышь. Казалось, что она боится пошевелиться и обрушить на себя гнев начальника. Но Бахтияр на неё не обращал никакого внимания.

– Вы будете на двух ставках, Николай Петрович. Ночь теперь тоже ваша. Настю закрепляю за вами, она будет работать в таком же графике, как вы. Санитара скоро найду, но он будет общий, – бесцветно сказал Бахтияр и ушёл, оставив меня с Настей в секционном зале.

Я решил больше ничего не выяснять у брата, боясь сделать ещё хуже. Мне было искренне жаль, что Бахтияр потерял своего единственного и лучшего друга. И я не хотел как-то испортить наши отношения.

Я образно отряхнулся от страшной утренней новости о Зингере, выдохнул и обратился к девушке:

– Тебя как зовут-то?

Девушка уставилась на меня, несколько секунд побыла в ступоре и ответила, чуть дыша:

– Анастасия...

– Настя, меня зовут Носков Николай Петрович. Я врач-судмедэксперт. Меня перевели сюда из гистологии.

Я зашёл в соседний кабинет, где стоял рабочий стол, компьютер и старое кожаное кресло, которое перепало мне из кабинета начальника. Рукой поманил Настю. Девушка последовала за мной.

– Знаешь, мне тоже надо вспомнить все тонкости работы в секционном зале. Последний раз серьёзно работал с телами три года назад. А вчерашнее вскрытие я и считать за вскрытие не хочу: даже зашить нормально не смог.

Вдруг девушка ответила мне:

– Приятно познакомиться, Николай Петрович. Я Настя, только что получила диплом медсестры. Опыта нет вообще. Но я буду стараться. Хочу быть хорошим ассистентом.

Её голос был плавным, но чётким, с низким бархатно-грудным тембром. Голос никак не вязался с ее внешностью.

Я таких ещё не встречал: белые-белые волосы, прозрачные брови и ресницы, светлая кожа, а почти бесцветные глаза сливались с бледно-голубым хирургическим костюмом. Но было в ней что-то фундаментальное. Я ощущал, что она

надёжный человек, верный. Девушка мне даже понравилась, но я сразу же пресек эти странные мысли. Хватит с меня интрижек на работе!

– Настя, а у тебя есть семья? Муж, дети? – аккуратно спросил я.

– Нет, Николай Петрович. Я одна, а вся родня на другом конце страны. Мне нужна работа и стабильный заработок, – честно сказала девушка.

– Что ты знаешь про работу судебно-медицинского бюро?

– Ничего. Я сюда пришла по совету знакомой.

– Тогда тебе задание: выучить маршрутизацию, все инструменты и порядок проведения вскрытия. По документам я тебе во время работы всё расскажу.

Девушка уверенно кивнула, а я вытащил из тумбочки несколько студенческих методичек и торжественно передал их своей новой ассистентке.

– Вот. Чтобы от зубов отскакивало уже завтра! Это основа работы. И я в тебя верю.

Настя широко улыбнулась, и на моей душе стало спокойно.

***

Зингера хоронил весь город. Но я не смог попрощаться с коллегой, потому что надо было работать. Мне было интересно узнать, как всё прошло, но почему-то никто из коллег не захотел рассказать подробностей, а Бахтияр после смерти

Зингера вообще отдалился. У меня даже были мысли, что я каким-то образом причастен к тому, чего не знаю сам. Но работа быстро вытрясла дурные размышления из головы.

Начались дневные и ночные смены. Мы работали очень много – нагрузка бешеная. Времени на тренировки не осталось, а Боров переживал, что я пашу как лошадь.

А ещё я насквозь провонял секционкой и уже не обращал на это внимания. Окружающие, конечно, частенько улавливали «тонкие» нотки. Но я легко решил и эту проблему – коротко остриг волосы, оставив от силы три миллиметра длины. Настя тоже подстригла волосы, что невероятно её преобразило. Она сказала, что причёска называется «пикси», что переводится «фея». Да, было что-то волшебное и притягательное в её внешности.

Моя ассистентка мне очень нравилась и как девушка, и как работник. Она быстро всему выучилась и уже через месяц стала полноценным помощником. Немного погодя, Бахтияр устроил двух новых санитаров – студентов медицинского колледжа. Парни оказались крепкие, толковые, порядочные, и с ними было легко работать.

***

Ранним утром первого осеннего дня мы с Настей сидели в ординаторской и пили крепкий ароматный кофе, который ассистентка только что сварила в медной турке. Приятно пахло. Из открытого окна в комнату заходил свежий, холодный воздух. Мы завершили ночное дежурство, и остава-

лось подождать минут двадцать, чтобы закрыть смену и уйти домой спать. Но не тут-то было. Зазвонил телефон в ординаторской.

– Ну что такое! – выругался я и поднял трубку.

– Принимайте, новенького привезли. Скоряки передали, что просто упал, – сонно сказала регистратор Галя и бросила трубку.

Мы спустились с Настей в приёмник. На каталке лежал асоциальный мужчина лет шестидесяти. На окаменевшем теле была грязная футболка и рваные спортивные штаны, на ногах красовались чёрные носки, покрытые грязью, и порванные кроссовки. С телом привезли полиэтиленовый пакет, из которого выглядывала алюминиевая банка пива. Я быстро описал одежду, пакет и пустые карманы, а Настя вбила информацию в планшет.

– Николай Петрович, можно я кофе допью? Он сейчас остынет, и вкус испортится.

– Сейчас?!

– Пожа-а-алуйста! – взмолила девушка.

– Только быстро!

– Я мигом! – ответила Настя и убежала в ординаторскую.

Кофе был единственной слабостью моей ассистентки, и я частенько отпускал её выпить маленькую чашечку. Но у меня были свои причины разрешать ей это: после кофе Настя работала особенно точно и энергично.

Санитары укатали мужчину на вскрытие, и я последовал

за ними.

Стены секционного зала, выложенные от пола до потолка белым кафелем, ярко блестели в синтетическом свете. Санитары раздели мужчину и скинули одежду в пакет «отходы класса Б». На только что вымытый металлический стол переместили тело пациента: небритый, грязные волосы, сбившиеся в колтуны, отросшие ногти, покрытые жёлтым грибком, глубокие трещины на ороговевших стопах и ладонях, забитые чёрной грязью.

Я надел пластиковый зелёный халат поверх своей белоснежной хирургички, завязал одноразовую шапку и натянул плотные нитриловые перчатки. Щёлкнул выключателем – тело осветил яркий хирургический светильник. Я начал проводить детальный внешний осмотр и заметил, что в волосах пациента копошились вши (невольно у меня самого зачесалась голова). Но никаких трупных пятен и патологий я не нашёл.

Взял секционный нож и провёл разрез через голову от одного плечевого сустава до другого, освободив череп от кожи. Забежала бодрая Настя, уже готовая к работе.

– Всё, Николай Петрович, я откофеилась!

– Молодец. Давай, работать надо.

Ассистентка легко откинула кожный лоскут на лицо пациента и начала отделять крышу черепа, крепко схватившись за маятниковую электрическую пилу, но её руки дрожали от напряжения. Пила неуклюже пошла в сторону, и я перехва-

тил инструмент.

– Давай я сам, а то что-то ты косеть начала. Ещё не хватало, чтобы ты мозг распилила там, где не надо!

– Мышцы устали...

– Нормально всё. Мы же команда. Иди сядь на стул, отдохни пока.

Настя послушно уселась у окна, немного расслабилась и включила радио. Я продолжил работу без особого напряжения: снял крышку черепа, аккуратно отсепарировал твердую мозговую оболочку ножницами и извлек мозг.

– Хорошо, что последний пациент нормальный приехал, а то бы сейчас мучились... – начала говорить Настя, смотря на тело, но её прервал звонок телефона.

– Настя, ответь, – попросил я, взвешивая мозг.

– Ага, сейчас.

Девушка скинула перчатки и рванула к телефону.

– Секционная. Да ты что! Сейчас спущусь. Ага, поняла, – загадочно проговорила Настя и положила трубку.

– Николай Петрович, я выйду в приёмник? Галя с санитаром что-то нашли у пациента в пакете.

– Давай только скорее, – ответил я, увлечённо нарезаю мозг книжкой.

Длинный секционный нож прекрасно слушался меня: получилось делать идеально ровные срезы.

Настя убежала и пропала надолго.

Я вскрыл грудную и брюшную полости, провёл осмотры

и замеры органов и нашёл причину смерти: обширный инфаркт миокарда. Ассистентки всё не было. Это меня начало бесить, но я самостоятельно неплохо справлялся.

Поместил органы обратно в полости тела и начал приводить пациента в порядок. Даже тот факт, что человек, вероятнее всего, без определённого места жительства, не был для меня определяющим – я шил шовчик к шовчику, стараясь делать всё аккуратно. Принцип и перфекционизм не позволяли мне делать работу халтурно.

Последний шов. И тут я выдохнул. Наконец-то! Ну и сме-на сегодня... Ещё и Настя куда-то делась. Первый раз такое, чтобы она ушла надолго.

По радио заиграла моя любимая песня, и я начал подвывать слова, обмывая пациента водой из шланга.

Шланг выскользнул из руки, упал на пол. Я наклонился, чтобы поднять его, опершись левой рукой на секционный стол, и меня схватили за руку. Я сначала не понял, что произошло, и машинально дёрнулся. Но труп крепко держал меня за запястье холодной бледной рукой.

Ледяной ужас окатил меня от макушки до пят. Я застыл, покрытый обжигающими мурашками. Волосы встали дыбом везде, где только можно. Радио заткнулось. Я слышал только бешеный стук сердца и шум пульсирующей крови.

– Передаю тебе всё, а сам ухожу, – едва слышно процедил мужчина и разжал руку.

Его конечность плюхнулась на металлический стол и

больше не шевелилась.

В парализующем состоянии я попятился к выходу, сорвал с себя перчатки и халат и выбежал в коридор. Я просто мчался, не понимая, куда бегу, пока не врезался в кого-то, и мы оба упали.

– Николай Петрович, что такое? Что случилось? – обеспокоенно затараторила девушка, пытаясь поднять меня на ноги. Но я не мог встать: все мои мышцы стали ватными и тягучими, как кисель. Я даже не сразу понял, что сбил с ног Настю.

– Тебя ищу, документы надо заполнять, – кое-как выдавил я из себя. – Ты где была?

– Я как раз с документами разбиралась. Тут такое случилось! У него в пакете были деньги, большие деньги. В пивной банке спрятал. А ещё там была справка о смерти... Месячной давности!

– Он умер не больше двух часов назад. Не было даже трупных пятен на момент осмотра, – механически проговорил я.

– Вот и я сказала, что быть такого не может. Бред! Ну, там люди в погонах разберутся и без нас, – легко сказала Настя. – Пойдёмте дальше поработаем?

Я кивнул и с опаской побрёл за девушкой в секционный зал. Но там всё было неизменно: мужчина лежал всё так же, инструменты были на месте, тихо играло радио.

«Во дурак. Переработал. Померещилось», – сказал я сам себе. Настя заполнила отчёты, мы официально закрыли сме-

ну и разбрелись по домам.

Дома не было покоя: слишком устал даже для того, чтобы спать. Мешало яркое солнце, пробивающееся через ярко-жёлтые листья берёзы, даже шторы не помогали. Только закрою глаза, и сразу пятна света, а сквозь них выплывает белое лицо мужчины... Я перебесился, перетрясся от страха. С моей психикой что-то происходит, и это что-то явно нехорошее. Надо зайти в гости к Борову! Валька!

Переоделся, помылся, быстро съел вчерашний рис и вызвал такси.

– До психиатрической, – сказал я водителю, садясь вперёд.

Таксист кивнул и повёз меня, изредка ругаясь в окно на других водителей, но я на это внимания не обращал. Главное, что машина двигалась быстро.

Уже через десять минут я постучался в кабинет к Борову.

– О! Колян, ты чего ко мне на работу пришёл? – весело спросил Боров. Мне непривычно было видеть его в белом халате.

– Валентин Юрьевич, выручай. У меня нет шизы или нервного срыва? Посмотри меня своим “психиатрическим” глазом, – сказал я и сел на кушетку.

– Ты чего, Коль? Что случилось-то? – по-дружески спросил Боров. Но я заметил, что его глаза прищурились: он начал активно меня изучать.

– Мне привиделось, что пациент после вскрытия меня за

руку схватил. Или не привиделось... Не понимаю. Но лицо этого мужика из головы не выходит. Неужели шизофрения? – протараторил я без капли опасения и стеснения.

– Опиши день и сам инцидент, – строго сказал Боров.

Я рассказал ему всё в мельчайших подробностях от начала смены и до конца. Боров помолчал пару минут, подумал, а потом ответил:

– Успокойся, нет у тебя никакой шизы. Психически ты здоров. А вот к неврологу сходи и сделай МРТ мозга. Мало ли что... – Валька написал на бумажке фамилию и адрес врача. – Вот к этому иди. Самая толковая невролог из всех, кого знаю.

В дверь заглянула худая женщина и нагло спросила:

– Валентин Юрьевич, к вам можно? У меня запись уже как пять минут!

– Коля, едь к ней сейчас. Точно знаю, что она сегодня на смене. А сейчас извини, работа.

– Спасибо, дружище, – сказал я и вышел из кабинета. В дверях меня специально толкнула пациентка Борова.

Я сел на скамью ожидания и сразу же заказал такси до нужной клиники, чтобы попасть к неврологу.

Было смешно, но ко мне приехал тот же таксист. Он криво улыбнулся и так же быстро домчал меня до нужного адреса.

Я зашёл в клинику. Приятная темноволосая женщина за стойкой регистрации проводила меня в кабинет к неврологу.

– Здравствуйте. Вам повезло, у меня осталось десять ми-

нут до конца смены. Меня зовут Нина Романовна, я невролог, – сказала молодая врач в ярко-розовом медицинском костюме. На её шее блеснул интересный кулон: золотой мозг с кристаллами.

– Я рад. Меня к вам психиатр Боров Валентин Юрьевич отправил. Он насторожился, что у меня по неврологии могут быть проблемы. У меня галлюцинация случилась, а теперь успокоиться не могу.

– Не переживайте. Я вас не брошу. Сейчас на МРТ сходите, я подожду результат, а потом и выводы сделаем. Раздевайтесь до нижнего белья.

Я зашёл за ширму и быстро скинул одежду. Меня ужасно смущали мои трусы с ананасами. Врач проверила мои рефлексы и отправила на МРТ мозга. Я оделся.

За мной зашла регистратор и проводила на обследование. Без очередей меня провели в кабинет и уложили в аппарат. Он ужасно гудел, даже наушники не спасали от этого гула.

После я снова вернулся к неврологу. Она открыла исследование, покрутила на экране ноутбука модель моего мозга во всех плоскостях и сказала очень приятные вещи:

– Неврологически вы здоровы. Лечение никакое не требуется. До свидания!

– Ага... Вот оно как? Ну хорошо, спасибо вам за чуткое отношение... – сказал я, немного сбитый с толку.

– Оплатите в кассе приём, будьте добры, – улыбнулась врач и отвернулась от меня в компьютер.

С меня содрали треть моей месячной зарплаты, но я всё равно был рад, что здоровье в порядке. Только факт, что произошедшее было реальным, вводил меня в ступор. Но, как бы то ни было, я взял в себя в руки и хорошенько отдохнул вечером с сериалом и пиццей.

Утром следующего дня я стоял в секционном зале, шутил с Настей о чём-то глупом, и нам привезли первого на сегодня: молодой смуглый парень с пулевым ранением головы.

Мы только-только провели внешний осмотр, как в зал забежал Бахтияр, раздувая щёки от быстрой ходьбы.

– Стоп, стоп! Николай Петрович, родители парня написали отказ от вскрытия. Органы предоставили копию записки о самоубийстве. Осмотрим рану вместе.

– Просто рану? Надо вскрывать. Надо делать полноценное вскрытие! – сказал я, возмущённый, что мой педантичный брат отходит от протокола.

Бахтияр сделал вид, что не слышит меня, взял чистые перчатки и начал осматривать тело.

Настя вжалась в стену и даже не пыталась скрыть того, что боится начальника, я же стоял в стороне от секционного стола и изрядно напрягся. Обычно брат не подписывал отказы о вскрытии. Он даже самолично взял в работу тело Зингера, своего друга, чтобы удостовериться, что это был реальный инсульт. А тут простой парнишка!

– Нельзя быть уверенным, что это самоубийство. Вы знаете это больше всех нас, Бахтияр Бахтиярович, – сказал я,

наблюдая, как он проводит анализ входного отверстия.

– Настя, в компьютере уже КТ пациента. Пуля в стволе мозга. Прошла через висок прямо в ствол, – затем брат обратился ко мне:

– Николай Петрович, я сделал компьютерный анализ с помощью новой программы, которую разработали на основе искусственного интеллекта. Выстрел был несомненным самоубийством. А теперь я в этом убедился во второй раз. Можешь не утруждаться, я сам оформлю отказ и все документы по заключению.

Бахтияр скинул перчатки в ведро и бросил Насте:

– Ассистент, вызовите санитаров, пусть готовят тело к выдаче. А потом поднимитесь ко мне: надо ваш отпуск обсудить.

Я остался один на один в секционном зале с телом парня. Молодой, лет пятнадцать-семнадцать, красивый. Из дефектов только маленькое овальное отверстие от пули в правом виске.

Я подошёл и автоматически надел перчатки. Вопреки словам брата, начал проводить внешний осмотр. Только-только коснулся его головы...

– Вы же не думаете, что я сам пристрелился? – прозвучал жизнерадостный голос где-то за моим правым ухом.

– Опять галлюцинации. Да что же со мной происходит! – выругался я вслух и продолжил осмотр.

– Не галюны это, дядя. Это я говорю, вон, на столе лежу.

Я молчал. Было уже не страшно, потому что где-то глубоко в душе я принял свою шизофрению.

– Отвечаю, что я не убивался. Этот мамкин урод Титов, он меня убил. Заставил написать записку. Даже пушку в руку мне вложил и нажать заставил. Вот урод! Не могу! Трясёт от него! – голос переходил на гневный крик. А я молчал и просто смотрел на тело, ничего не понимая. Рана была нанесена себе самому, я и без КТ видел это.

– Ну, глянь ты на мои руки, в самом деле. Левша я. Левша! Левые пальцы в синей пасте! – казалось, что парень сейчас сойдёт с ума от несправедливости и злости.

Я осмотрел руки и замер в полнейшем исступлении. Правая ладонь чистая, а левая – в синих чернилах от ручки...

– Ну наконец-то. Понял, да?! Это всё Титов! Эта тварь. Он мамке моей изменял, а я застукал. Сказал, что сдам его. Поклялся жизнью, что спасу мать от него! Вот он и избавился от меня, а сам сухой из воды выйти собрался. Ну, уж нет. Дядя, останови эту тварь. Прошу тебя. Ты один меня слышишь. Титов должен сидеть! – сплошным потоком полилось мне в уши.

– Что мне сделать? – осторожно спросил я.

– Уговори того жирного мужика пересмотреть мою смерть! Быстрее! Беги к нему! – крикнул парень.

Я не мог больше это вынести. Ведомый странной силой и жадной справедливости, я побежал к брату.

Вбежал на второй этаж и ворвался в кабинет без стука.

За столом сидели Настя и Бахтияр. Она была очень близко к начальнику. Слишком близко. Я это заметил, но не стал заострять внимание. Настя смутилась, что-то сказала и убежала из кабинета.

– Это убийство. Тот парнишка не самоубийца. Он был левша. У него паста от ручки слева. Я уверен в своих словах на сто процентов. Надо дать информацию в органы, пусть проверят письмо, проведут анализ наклона букв! – выпалил я и замолчал.

Бахтияр молча посмотрел на меня, затем набрал какой-то номер на телефоне, спросил контакты матери парня и позвонил ей.

– Здравствуйте, это начальник судмедбюро Айдаров Бахтияр Бахтиярович. Ваш сын левша?

Ему что-то ответили.

– Тогда всё ясно. Придётся отклонить ваш запрет на вскрытие и провести процедуру. Вашего сына убили. Вам позвонят по поводу расследования.

Он положил трубку и очень спокойно сказал, смотря прямо в глаза:

– Ты меня перед этой пигалицей не подставляй.

– Перед кем? Ты о ком? – спросил я, сбитый с толку.

– Ассистентка твоя.

– Парня убили! А мы это чуть не пропустили! – выпалил я, захлёбываясь от злости и на себя, и на брата.

– Хорошо, что ты оказался внимательнее меня, – сухо от-

ветил Бахтияр и сделал вид, что читает какой-то документ.

– У тебя с ней что-то было? – до меня начало доходить.

– С кем? С Настей? Ты что? Знаешь, давно хотел тебе сказать. Мы с Раисой разводимся. Она съехала от меня. А тут твоя эта Настя подвернулась. Но ещё ничего не было. И не смей проговориться кому-то, – начал угрожающе шипеть на меня Бахтияр, но я быстро прервал его.

– Скажи органам, что убийца Титов.

Я вышел из кабинета. Живот пробило ужасной болью, зрение помутнело. Я зацепился за ручку двери и упал без сознания, куда-то полетел...

– Что-то у тебя давление упало. И ты вместе с ним. Что, не ел ничего? – кряхтела надо мной Дина, снимая манжет тонометра. Наша прекрасная работница бюро, бухгалтер. Я её побаивался и сторонился. Высокая, худющая, волосы черно-седые и необычайно живые глаза, торчащие чёрными ага-тами сквозь темно-жёлтую кожу массивных век.

– Мне уже хорошо. Переволновался, – ответил я ей, но язык заплетался, Живот прожигало распирающей, жгучей, опоясывающей болью.

– Да мне-то ты что говоришь. С мёртвыми, небось наговорился, вот и сил нет на жизнь, – тихо прошептала она мне на ухо. В комнату вбежала Настя.

– Что с ним? Он живой, всё хорошо? – она обеспокоенно зашебетала и нависла надо мной. Я начал понимать, что лежу

на кожаном диване в кабинете у Бахтияра Бахтияровича.

– Упало давление. Переволновался, – сухо сказал брат, на-
верняка, сидя за столом. Но я его не видел.

– Живот болит сильно. Что-то мне как-то не очень... –
выдавил я, и мерзкий рвотный позыв подкатил к горлу. На-
стя рывком подтянула мусорку. Меня вырвало.

Дина уложила меня на правый бок и заявила всем:

– У Николая Петровича проблемы с печенью. Рвёт-то жел-
чью, и давление от этого почти всегда резко падает. Бахтияр
Бахтиярович, в больничку его надо срочно!

– Сейчас позвоню в стационар. Мне врачи наши дороги, –
властно сказал брат.

В глазах сильно потемнело, опять подкатил приступ рво-
ты, и я отчётливо услышал, как Дина прошептала мне прямо
в ухо:

– Точно с пациентами болтаешь. Смотри, как бы сам не
помер.

Я окончательно отключился.

Глаза открыл глубокой ночью, лёжа на больничной койке,
палаты интенсивной терапии. По стене тянулась труба с кис-
лородом, рядом стояла капельница, заряженная чем-то. Из
живота справа я нащупал противный трубчатый дренаж. Бы-
ло очень больно, но боль была скорее приятная, освобожда-
ющая. На ощупь насчитал четыре зашитых прокола на жи-
воте. Значит, делали операцию лапароскопом. Затем я по-
пытался встать, но не смог. Рухнул обратно на спину и

провалился куда-то далеко-далеко в детство.

Я снова собирал жёлтые сливы в огромной саду, бежал вдоль реки и ловил на своём лице тепло солнца...

– Николай Петрович, вставайте. Укольчики буду ставить, – ласковый девичий голос разбудил меня.

Я кое-как открыл слипшиеся веки и провалился в адскую боль – в животе будто горели угли. В палате стояла красивая молодая медсестра, которая быстро зарядила капельницу, затем откинула одеяло и обработала спиртом моё волосатое бедро. Я с ужасом осознал, что лежу абсолютно голый.

– Дорогой, потерпи. Минут через десять уже полегчает, – тепло сказала медсестра и резко воткнула мне в ногу иглу. На фоне боли в животе я ничего не заметил. Потом девушка промыла катетер на предплечье и поставила капельницу с антибиотиком. Я смотрел на её плавные движения, любовался круглыми щеками с юным пушком и румянцем. Будто ангел: мягкая, тёплая, нежная...

– Скоро врач на обход придёт. Капайтесь пока. Если есть разрешат, то я позже еду принесу. Сегодня кашка рисовая, – быстро проговорила медсестра и убежала из палаты.

Есть мне точно не хотелось. Я лежал и пытался сфокусировать взгляд на каплях, медленно плюхающихся в капельницу из огромной стеклянной бутылки с физраствором. Взгляд немного плыл, вероятно, это было последствием наркоза.

Хлопнула дверь в палату.

– Николай Петрович, доброе утро! – прогремел громким и звонким голосом мужчина средних лет в длинном белом халате поверх ядовито-зелёного хирургического костюма. Его рыжеватые волосы кучерявились мелкими барашками.

– Доброе, – сухо ответил я, глядя ему прямо в глаза. Зелёные, как у кошки.

– Как дела? Что болит? Мутит, тошнит, голова кружится? – радостно спросил он и одним уверенным движением убрал с меня одеяло.

– Всё болит, хреново что-то, – ответил я, очень смущаясь. Меня трясло, а от холода тело покрылось мурашками.

– У-у-у... – протянул врач, осматривая дренаж. – Ну тут мы с вами полежим подольше.

– Что у меня было? Камень в желчном? – слабо спросил я, пытаюсь рассмотреть дренаж, но не мог даже поднять голову.

– У вас был камень в желчном. Он там долго жил, рос. А потом камушек стал таким большим, что закупорил собой желчный проток, нарушил отток желчи и вызвал повреждение стенок пузыря. Началось воспаление. Вас схватила желчная колика, и вот вы тут. Желчный я убрал, – умно ответил врач, широко улыбнулся и добавил. – Я вас оперировал. Моя первая подобная операция через лапароскоп. Раньше я только аппендиксы удалял и перитониты мыл. Наконец-то до холецистэктомии дорос.

– Спасибо, коллега. Какие прогнозы? – я начал оживать. Наверное, обезбол подействовал.

– Самые позитивные. Антибиотики прокапаем, дренажик понаблюдаем, УЗИ сделаем, а потом я вас домой отпущу, – довольно сказал врач. – Давайте осмотрю до конца.

Доктор резко надавил на живот – я вскрикнул от резкой боли.

– Терпи, терпи. Пропальпировать надо. Сам же понимаешь.

Казалось, что ему нравится, что я подыхаю от боли. Наконец, он закончил и аккуратно накрыл меня одеялом. Мне стало тепло и хорошо. Боль полностью прошла, захотелось спать.

– Всё, молодец. Сегодня лежим и ничего не едим и не пьём. Вот тут кнопка – нажимай, когда надо губы смочить. Сестра прибежит.

– Вставать нельзя? – переспросил я.

– Сегодня лежишь. Если в туалет надо, то на кнопку жми, сестра поможет.

Врач ещё раз улыбнулся и ушёл. Я заснул.

Прошло три дня. Я быстро восстанавливался, ел протёртые каши и супы, познакомился с пациентами и медперсоналом. Лежал я в вип-палате: братец позаботился, чтобы всё было по красоте, а врачом моим оказался только что выпустившийся ординатор. Медсестры все до единой были влюблены в него, а женщины за сорок под его контролем шли на поправку семимильными шагами. Человек был на своём месте.

Вечером третьего дня ко мне в дверь постучали.

– Войдите, – сказал я, читая какую-то книгу.

– Привет, Коля. Ты как?

Раиса была худее обычного, в странной балахонистой одежде, без косметики и укладки.

– Раиса! Как я рад тебя видеть! Не ожидал тебя в гости. Вот это радость!

– Я так испугалась за тебя, Коль. Мне Бахтияр по телефону сказал, что ты чуть не умер. В больницу звонила, спрашивала, с врачом твоим говорила. Ужасно, – сочувственно проговорила женщина, выкладывая на стол мои любимые книги. – Я тебе ещё учебник иврита принесла. Новый купила. Прости, что раньше не смогла прийти.

– Раиса! Ты чудо! Я завидую брату, что у него такой алмаз, такой бриллиант! Ты самый чуткий человек во Вселенной.

Я был в полном восхищении.

– Просто подумала, что так ты быстрее выздоровеешь. С любимыми делами время проходит быстрее и веселее. Я хотела еду принести, но по телефону сказали, что тебе ничего нельзя, кроме специального питания.

В моей груди ширилось настоящее цунами любви и счастья. Детский восторг. Как же я её люблю.

– Коль, Бахтияр тебе что-то говорил? – осторожно спросила она, присаживаясь на краешек кровати.

– Сказал, что вы разводитесь. Просил молчать.

– Да, Коля, мы разводимся. Я домой пришла с работы

раньше обычного. А там... В кровати... На моём любимом постельном... – Раиса закрыла лицо руками и заплакала.

– Блондинка? – спросил я с отвращением.

– Откуда ты знаешь? – сказала Раиса, недоверчиво прищурив глаза.

– Догадался. Это моя ассистентка. Девчонка молодая, волосы короткие. Лет двадцать ей.

– Не короткие. Длинные светло-русые волосы, очень длинные.

– Так. Стоп.

Я достал из тумбочки мобильный телефон, открыл фотографию с Сиговой и показал Раисе.

– Это была она, – сразу же ответила она. – Кто это?

– Моя бывшая. Мы расстались пару месяцев назад. И она... – я заткнулся.

– Что она?

– Беременная.

– Ну понятно. Я уже на развод подала. Он мне и до этого изменял с какой-то врачихой.

– У нас только одна женщина была. Она же, Сигова... – сказал я, всё осознав.

– Прикольно. Ты с братом одну бабу делил.

Ком отвращения встал поперёк моего горла. Раиса неподвижно сидела и тупо смотрела на меня.

– Бахтияр – отец, это точно. Он за последнее время ужасно изменился.

– Как же это мерзко! – сказал я, гневно стиснув зубы. Руки затряслись от злости. Хотелось удушить и Сигову, и брата, а гугучая обида выедала меня изнутри.

– Я уже собрала вещи. Завтра улетаю в столицу. Меня давно звали на проект в главный офис. Буду большой шишкой, дизайны зданий и офисов проектировать, а не мелкие торговые павильоны и квартиры, – сказала сквозь слёзы Раиса. – Коль, я могу тебе работу в столице присмотреть. Там несколько судмедбюро в городе.

– Присмотри, пожалуйста. Мне осталось отработать меньше полугода, и я свалю отсюда к тебе. Я не понимаю этого идиота, не понимаю брата! Как можно думать об измене, находясь рядом с такой шикарной женщиной... – выпалил я в сердцах.

Я первый раз озвучил Раисе свои мысли.

– Коля, спасибо тебе... – я видел, как вспыхнули алым её зарёванные щёки. – Прости, надо идти. Уже так поздно.

Она встала, обняла меня и выбежала из палаты. Я сидел на кровати и улыбался, затем подошёл взять книгу и увидел на столе ключи Раисы с пушистым брелоком. Схватил их и тихонько поковылял из палаты, но в коридоре уже никого не было. Вышел на лестницу, поплёлся вниз, зашел за угол и столкнулся с санитарями, которые толкали каталку, полностью накрытую белой простынёю. Простыня очерчивала контуры человеческого тела.

– Дайте пройти, пустите! – крикнул я.

Но коридор был узок, а каталка слишком широкая. Я толкнул медбрата-он схватился за каталку. Одно из колёс отлетело. Каталка покосилась и придавила меня к стене. Холодная окоченевшая рука выпала из-под простыни, и я машинально схватился за тело, чтобы оно не упало на меня.

Как только я прикоснулся к телу, в тот же момент в моей голове зазвучал яркий голос пожилого мужчины.

– Ты же меня слышишь, парнишка? Слышишь же? – повторял он неустанно.

– Да, слышу, – ответил я, изумлённо глядя на застывших санитаров.

– Помер я наконец-то, отмучился. А вот дома у меня цветник загнётся, если не полить. Это нехорошо. Забери себе живность. Воля моя последняя такая. Сдохнут они без меня. Родня придёт квартиру делить и выбросит. Жалко их. Душа разрывается, – причитал мужчина. Его голос дрожал и звучал очень жалобно.

– Как я их заберу?

– Цветочная три, квартира три. Около двери коврик, там плиточка отходит. Под плиткой ключик. Ночью приходи, забери всех. Спаси! Тебе потом зачтётся, – довольно сказал голос и исчез.

Я проморгался, и под ругань санитаров проскользнул под кушеткой и уже на выходе догнал Раису.

– Ты ключи забыла! – крикнул я ей в спину, задыхаясь от нагрузки.

Она остановилась и начала хлопать себя по карманам плаща.

– Ой, и правда. Вот растяпа. Коля, ну зачем! Тебе нельзя! – начала журить меня Раиса. Её глаза блестели от слёз.

– Николай Петрович! Вы что тут делаете?! – громко крикнул рыжий кудрявый врач, быстро идя к нам с дальнего конца коридора. – Вы куда собрались?!

– В палату, извините, – сказал я и поспешил на второй ужин.

Вечером я сильно переживал, что так и не решился признаться Раисе в своих чувствах, но пришла прекрасная медсестра и одним уколом обезбола отправила меня в крепкий сон.

На следующий день в гости забежала Настя.

– Николай Петрович! Как я рада, что всё обошлось! Без вас так пусто на работе. Прислали бородатого врача из столицы на время вашего больничного... Какой же он наглый и неаккуратный! Вы бы видели, как он шьёт! Будто матрасы! Ещё и Бахтияр Бахтиярович куда-то уехал.

Она налила в пластиковую вазочку воду, поставила её на стол и аккуратно поместила в неё красивый букет жёлтых георгинов. Мне было очень приятно.

– Это от меня и Гали, мы с ней выбирали. А ещё от Гали овсяный кисель, который она специально для вас сварила, – девушка вытащила из рюкзака прозрачную бутылку с густой серой жижей. – Галя сказала, что эта штука хороша для сли-

зистой кишки.

– Я тоже рад, что вы обо мне вспомнили. А что там Бахтияр? – спросил я, садясь за стол и рассматривая цветы. Девушка замялась, но ответила.

– Он мне отпуск не дал. Вы тогда зашли, он мне графики показывал и трудовой договор. Оказывается, я могу уйти только после полугода непрерывной работы. Там текст был мелкий, я наклонилась, и вы вошли... – Настя оправдывалась, но говорила правду. Она вообще не умела врать.

– У вас ничего не было? Точно? – спросил я, глядя ей в глаза.

– Ничего. И никогда не будет. Я против таких отношений. Вообще, Бахтияр Бахтиярович вроде как с концами уехал куда-то. Галя сказала, что слышала, что он говорил про переезд с кем-то по телефону.

– Понял, спасибо тебе, – я открутил бутылку с киселём и понюхал. Пахло обычной овсянкой.

– Вы только поправляйтесь быстрее. Мне с этим мужиком вообще работать не нравится, – сказала Настя и взяла мою руку в свою.

Я не сопротивился. Девушка замерла. Ее огромные бледно-голубые глаза так чудесно обрамляли ресницы, густо накрашенные чёрной тушью.

– Настя, ты такая необычная. Я тебе говорил когда-то про это? – едва слышно сорвалось с моих губ. – Ты прекрасна.

– Я... Мне надо... Я лучше пойду... Николай Петрович. Выздоровливайте, – застенчиво ответила она мне, забрала рюкзак и ушла.

Больше ко мне никто не приходил. Пару раз звонили Галля. Раиса писала каждый день сообщения. Вальке я не звонил, чтобы не расстраивать: он принимал такие вещи очень близко к сердцу... Брат на мои звонки не отвечал, а потом его номер вообще стал недоступен, что было весьма подозрительным.

Через десять дней после операции меня отпустили домой, но врач выписал больничный на две недели. Живот почти не болел.

Дома всё было как обычно. Берёза успела сбросить почти все листья, и в окно заглядывали тоскливые ветки. Целый день лил противный дождь. И я вдруг вспомнил того мужчину на каталке, под белой простынёй, и его просьбу о цветах. Почему-то я не смог проигнорировать её. Когда я про неё старался не думать, то она всё ярче и ярче звучала в моей голове.

Было уже темно, время близилось к одиннадцати вечера. Я поел овсянку, оделся потеплее и отправился в третий дом на Цветочную. Быстро нашёл нужный подъезд. Квартира три. Поднял пыльный коврик, простучал плитку и убрал её. Там лежал ключ. Я вставил его в замочную скважину и повернул. Дверь открылась. Меня встретила спёртая и душная квартира, пропахшая старьём и плесенью. В нос долба-

нул резкий запах канализации.

Включил свет. В квартире был откровенный бардак: слой пыли, по стене полз жирный таракан с яйцом, выгоревшие на солнце обои, ковер, покрытый крошками и грязью так, что нельзя было разглядеть узора.

Подоконник единственного окна был заставлен горшками с цветами. Пышные, красивые, цветущие. Будто ботанический сад! Подойдя ближе, я рассмотрел сеть тонкий пластиковых трубочек, тянувшихся из бутылок, стоявших между горшков. Вот это да! Дед еще и систему полива придумал какую-то замудренную. Жил одними цветами...

Но столько горшков я точно не утащу домой за один раз и на руках, и никакое такси не согласится это везти!

Недолго думая, я позвонил Борову. Он единственный в моём окружении мог приехать ко мне в любое время.

– Ты время видел, идиот? – пропыхтел Валька в трубку, зевая.

– Видел. Приезжай за мной срочно.

– Зачем? Что случилось?

– Надо вывезти цветы, – спокойно ответил я.

– Может быть, тебе в стационар ко мне надо? – я слышал улыбку в его голосе.

– Да, блин, Боров! Цветочная три, квартира три. Я тебя жду. Давай быстрее.

Друг бросил трубку и через десять минут уже постучал в дверь.

– Здорово, дружище!

– Привет, Боров. Рад тебя видеть. Помоги мне цветы вытащить.

– Постой, постой. А к чему такая спешка? Чья это квартира, что ты делаешь? – удивился Боров.

– Дед попросил забрать, познакомились в больнице. Он умер, а его наследники сказали, что всё выкинут. Вот дед и переживает, что его любимая зелёная живность помрёт.

– В больнице? Наследники? Умер?

– Да.

– Так?! Ты что несёшь?! Какой дед! Какая больница? – Боров начинал беситься. Он всегда взрывался, когда что-то не мог понять.

– В больнице я лежал с холециститом, мне желчный вырезали. И там я с дедом познакомился. Дед умер и попросил меня цветы спасти, – пояснил я, стаскивая горшки с подоконника на обеденный стол.

– Операция? У тебя?! Ты мне почему не позвонил и не сказал! – заорал Боров. – Чёрт! Вот ты и похудел. Кошмар, Коля!

– Тише, не ори. Помогай давай.

– Я просто прояснить хочу: дед тебя попросил цветы спасти после смерти или до?

– После.

– Приплыли... – разочарованно сказал Валя, и начал мне помогать с цветами.

Мы всё стаскали в его здоровенную машину и повезли ко мне домой. Разгрузившись, сели на кухне и молчали. Я налил себе чаю, а Борову – бурбон. Несколько часов я рассказывал ему про всё, что случилось: и про того парня, и про того деда, и про Сигову с Бахтияром.

– Ты точно в адеквате, у меня же на патологии нюх. Сто процентов, что ты психически здоров, – сделал заключение друг, допивая вторую кружку бурбона.

Затем Боров понизил голос почти до шёпота и сказал:

– Тебе надо к одному деду сходить. Врачиха знакомая к нему ходила, как-то рассказала за чашкой... Эм, ну ты понял. Того деда зовут Шуруба Тир, он живёт в Красной деревне. Очень странный тип. У него окно красное.

– Боров, это же шарлатаны. Я в них не верю, – я посмотрел в окно. В свете фонаря моросил дождь, мелкие капли часто появлялись на стекле, сбивались в большие и стекали, словно слёзы.

– Не верь, но проверь. У меня есть пациенты, которые с мёртвыми разговаривают. Вот они точно больны, а ты здоров, Коля, здоров! – Боров повертел в руке пустой стакан. – Можно я у тебя на диване отосплюсь? Дома у меня... Эм... Ну я тут с девушкой жить начал. Не хочу её показываться. Сказал, что на работу вызвали.

Боров мялся, ему было неудобно.

– А что за девушка? Фотки покажешь? – поинтересовался я. – Неужели великого ловеласа кто-то смог приструнить?

– Ну да, в караоке познакомился с одной... – он потыкался в телефоне и показал совместную фотку.

С яркого экрана телефона на меня смотрел пьяный и весёлый Боров в объятиях моей ассистентки...

– Коль, но что-то меня гложет. Будто у нее семья или ребенок где-то припрятан. Вроде любовь к ней есть, а будто страсти нет. Странное ощущение. А если она меня приворотом каким к себе привязала?

– Что-то ты совсем гонишь. Давай, Валь, отоспись, а к экстрасенсу твоему мы вместе съездим. Ты по поводу своей девушки всё узнаешь, а я – по своему вопросу.

Боров выпил ещё кружку бурбона, разделся до трусов, завалился на диване и сразу же захрапел.

Я занялся цветами: убрал сухие листья, полил пересушенную землю и поставил растения в полутень: в квартире стало ярко, свежо, уютно.

– Ну всё, дед, спас я твою живность, – сказал я, глядя на утреннее солнце, и отправился спать.

Едва голова коснулась подушки, я вернулся в деревню, захлебнувшись ароматами полевых цветов и душистого только что высушенного сена. Яркое солнце грело мои руки, лёгкий ветерок обдувал лицо. Абсолютное счастье, беззаботная свобода. Мама зовёт обедать. Ярко-жёлтая слива в руке. Я её подношу ко рту, ощущаю её солнечный сладковатый запах, касаюсь губами и...

–Коля! Вставай! – растормошил меня Валька. – Поехали

к деду. Как раз суббота, я отдыхаю.

Валька пошёл в туалет, а я быстро сварил отвратительную овсянку на нас двоих. Мы позавтракали и вышли к машине. Весь город был окутан плотным холодным туманом: было тяжело дышать от влаги, и не было видно ничего дальше вытянутой руки.

– Валь, может потом? Как на трассу выезжать? Ничего не видно, – сказал я и зевнул.

– Нет, надо ехать. Я про Настю узнать хочу... Она мне ничего не говорит, так может дед чего расскажет.

– А ты её любишь? – спросил я, уже зная ответ.

– Не уверен, что люблю, но она мне нравится. А для меня этого уже достаточно, – сказал друг и сел в машину. Я последовал за ним.

Валька забил в навигатор “Красная деревня”, и на экране высветился маршрут на сорок минут пути.

Как только мы пересекли черту города, я уронил голову на правое плечо и задремал под шум колёс и тихое мурлыканье радио. По приезде Валька разбудил меня, и мы вышли из машины.

Печальная полузаброшенная деревня выглядела очень уныло. Сквозь туман выглядывали уставшие полулысые деревья, где-то кричал петух, доносился собачий лай. Поднялся небольшой ветер, который собой растащил туман: показали заросшие огороды и дворы, гнилые заборы и брошенные хозяевами дома... Весь этот вид всколыхнул во мне вос-

поминания: я ещё совсем маленький, мама жива, брат весёлый и жизнерадостный...

– Вон окно красное! Туда! – крикнул Валька, указав пальцем на небольшой косой дом. Одно окно было завешено изнутри красной тканью.

Мы свернули на узкую улочку, кое-как протиснулись между двумя заборами и подошли к мокрой деревянной калитке.

– Пошли? – сказал я и дёрнул за ручку. Дверка вывалилась с петель и осталась у меня в руках.

– Чёрт! Поставь её рядом, – выругался Валька.

– Зачем припёрлись! – заорал старый хриплый бас из окна.

Через мгновение с крыльца спустился сухой, низкий дед, одетый в мятую серую майку и штаны, вытянутые в коленях. От неожиданности я вцепился в дверку и прижал её к себе.

Дед подошёл к нам вплотную. Он просто стоял и смотрел, почти не моргая. В мои глаза сразу врезалась бугристая язва на его нижней губе. Язва выглядела плохо, и я даже не сомневался, что это онкология.

– Чего уставился?

– Вы Шуруба Тира? – спросил Валя, но дед смотрел мне в глаза и проигнорировал его вопрос.

– И без тебя знаю, что это смерть моя. Болтал много за жизнь. Слишком много, вот и поплатился. А ты чем поплатился за свои разговорчики? – дед прищурил глаза, вытащил из кармана сигарету и закурил.

Я молчал. Валька молчал. А Шуруба стоял, курил и смотрел мне в глаза. Клубы белого вонючего дыма окутывали нас и душили, словно змеи.

– Поставь ты уже эту чёртову калитку! – выругался дед и выбросил окурок за забор.

– Я к вам за помощью. Со мной что-то странное происходит, – сказал я, не отводя взгляда от его серых глаз.

– Тебе уже ничем не поможешь. Ты сам сделал выбор, сам помог им. Теперь до конца дней будешь в этом вариться, – раздражённо пробасил Шуруба и обратился к Вальке.

– Баба эта не тебе предназначена. Иди своей дорогой. Беги от неё, забывай, а через месяц судьбу свою встретишь, – дед взялся за новую сигарету.

– А ты, парень, пойдём со мной. Поговорить надо, – сказал мне дед и зашёл в дом, дымя как паровоз.

Я замешкался.

– Иди, быстро, – толкнул меня Боров в спину. – Иди! Я в машине подожду.

Пришлось идти. В сенях было сыро. Доски пола “гуляли” под моими ногами, в нос ударил противный запах кошек и гнилья. Я толкнул отсыревшую дверь и вошёл в комнату.

Огромная печь с кучей вещей занимала добрую половину пространства. Голые бревенчатые стены выглядели удручающе, но еще хуже смотрелась маленькая косая кровать с незаправленным засаленным постельным. Во всю стену висел огромный красный флаг СССР, густо покрытый пылью и

паутиной. За флагом светилось окно – туман рассеялся, пробивался утренний свет. Комната окрасилась в красные тёплые тона.

– Чего встал? За стол сядь, – проворчал Шуруба, наливая воду в грязный закопченный металлический чайник.

– Туда? – спросил я, с отвращением смотря на маленький грязный деревянный стол, заваленный сигаретным пеплом и крошками.

– Садись, не бойсь, – пробасил дед и налил мне чая в подозрительно чистый стакан. Запахло мятой и малиновым листом.

– Не помогу я тебе с проклятьем этим. Я уже старый и слабый. И язва эта рот разъела так, что сил нет боль терпеть...

– У меня есть знакомый онколог, он может помочь, осмотреть, – начал я, но дед резко перебил.

– Мне немного осталось. Не хочу ничего.

Шуруба снова закурил. Дым от сигареты, плотный и вонючий, стал красноватым в свете окна. Шуруба сел напротив меня.

– Подумайте. Я оставлю адрес больницы и фамилию врача. Скажите, что от судмедэксперта Носкова...

– Хватит, я сказал! – рявкнул дед и стукнул по столу ладонью. Станный огонёк сверкнул в его глазах. Шуруба снова уставился на меня.

Я притих и не шевелился. Было ощущение, что меня фотографируют на длинной выдержке, и я боялся смазать кар-

тинку неловким движением.

– От твоей морды за версту смердит покойниками.

– Что? Я давно на работе не был, – сказал я, пытаюсь принюхаться к одежде, но пахло лишь табаком.

– Ты слышишь мёртвых, говоришь с ними, даёшь им надежду и покой. Зачем ты исполняешь их просьбы? Это не дар, а проклятие, – Шуруба вытер рукой кровь, выступившую из язвы на губе. – Тебе подкинули, но ты уже за него расплатился. Что ты принёс в жертву?

Я начал судорожно вспоминать, но так ничего и не понял.

– Что-то ты туго соображаешь. Вижу, ты только из больницы.

Мне стало до одурения неприятно. Будто он наживую вытягивал из меня волокна и нервы, копался в мыслях, чувствах.

– А-а-а, мне желчный пузырь вырезали... – ответил я, сильно морщась.

– Вот то и принёс в жертву, что вырезали из тебя, – резко сказал Шуруба.

– От этой способности можно избавиться?

– Нет. Уже поздно. Один выход: принять и никогда не трогать мёртвых. Тогда они не будут трогать тебя, – его голос становился всё тягучее, слова сливались, дикция ухудшилась. Я с трудом его понимал.

– Как это? Я же судмедэксперт. Трогать мёртвых – это долг мой, профессия, призвание! – я начал возмущаться.

– Уходи с работы, не трогай покойников, – дед замер, закрыл глаза и добавил: – Чувствую, что тебя боль ждёт, потеря большая. После на истину выйдешь и судьбу обретёшь. Всё. Проваливай отсюда, – чётко сказал Шуруба и указал пальцем на грязную разбухшую дверь.

В полном расстройстве я добрёл до машины и уселся вперёд. Друг поймал какое-то хрипящее радио и в такт стучал пальцами по торпедо.

– Ну, что он тебе сказал? – бодро спросил Валька. Но я видел, что он ужасно расстроенный, разбитый, раздавленный.

– Ничего толкового. Сказал с работы уходить. Что беда какая-то надвигается, а потом всё нормально станет.

– Что-то я другое себе представлял. Какой-то дед странный. Я бы сказал, что у него психопатия. Но это на первый взгляд.

– А ещё у него рак губы, агрессивный, язвенный, – задумчиво ответил я. – Он всю правду мне сказал. Этого никто не знал. Никто.

– Ты про Настю слышал? Она не моя, оказывается. Вот это я и сам чувствовал, что что-то не то...

– Валь, поехали отсюда. Я устал до ужаса. Сил нет никаких. Ощущение, что дед всю энергию из меня высосал...

Боров запустил двигатель машины, и мы медленно покатил к трассе, аккуратно объезжая грязь и глубокие выбоины.

***

После Шурубы мне стало легче, будто от меня отодвинули

тягучую печаль. За две недели сидения дома я активно восстанавливался, прочитал три книги и хорошо позанимался ивритом. Научился ухаживать за цветами. Пару раз я хотел поговорить с Раисой вживую, признаться о своих чувствах, но мы так и не встретились. Она мне написала, что ещё не успела уехать из-за работы, потому что у нее остались какие-то незаконченные проекты, какие-то богатые клиенты... Что-то в этом роде. Я не выяснял подробности. Было до чёртиков страшно показаться каким-то навязчивым и прилипчивым.

Бахтияр на связь не выходил. Раиса о его местонахождении молчала. Тогда я “наступил себе на горло” и позвонил Сиговой, но и у нее телефон был недоступен.

Закончился мой больничный. Первый день на работе дался очень тяжело. Я отвык от ароматов секционки, и чтобы хоть как-то выдержать смену, пришлось на виски и под нос мазать жирный слой вьетнамской звёздочки и надевать три маски.

Брат до сих пор на звонки и СМС не отвечал, Раиса перестала брать трубки и через раз отвечала на звонки, только одна Настя вела себя так, будто ничего не произошло: что-то рассказывала, шутила, улыбалась. Мне было очень хорошо рядом с ней.

Первого мужчину мы вскрывали около часа: инсульт мозга, типичная картина. Как только я притронулся к нему, в ушах зазвучал тяжёлый голос:

– Положи мне в карман нитроглицерин. Как я без таблеток буду?

Я молчал и делал разрезы, отслаивая кожу головы.

– Я тебя прошу, парень. Положи в карман таблетки. Положи. Обещай, что сделаешь, что положишь!

Мы с Настей вскрыли крышку черепа, извлекли мозг.

– Кого мне ещё просить? Ну кого? Как я буду без таблеток! Положи!

Пациент без усталости тряс головой, ни на секунду не затыкаясь.

– Да положу! – громко сказал я, не выдерживая отвратительного бубнения. Голос пациента сразу же замолчал.

– Николай Петрович? Что вы положите? – настороженно спросила Настя.

– Да я... Вспомнил, что забыл положить... – пытался выкрутиться я. – Всё, не отвлекай, а то криво мозг нарежу!

Девушка промолчала и смыла черные сгустки крови с секционного стола.

Следующий пациент, молодой мужчина с ножевными, назвал мне фамилию убийцы и рассказал, что закончил жизнь так, как и должен был. Парень не просил меня что-то делать, лишь говорил и говорил. Рассказал, что умер за дело, по понятиям, с чистой совестью, а под конец вскрытия замолчал. Наверное, хотел, чтобы его последний раз выслушали.

Следующий пациент был девяностолетний мужчина, умерший от старости. Он вообще ничего не говорил.

Затем санитары прикатили перебитого молодого парня. У

него был скошен череп, будто часть сняли тёркой... ДТП, разбился на мотоцикле.

Настя остановилась и замерла.

– Какой же он красивый. Просто невероятный! И такая страшная смерть, ужас, – в её голосе слышались страх и восхищение.

– Да, Настя, симпатичный парень. Именно поэтому я ненавижу мотоциклы. Ты бы видела, что было в самом начале сезона!

Я осмотрел его и приступил к вскрытию. Только дотронулся...

– Я ехал к своей девушке, торопился. Друг позвонил и сказал, что мою Айгуль видели с парнем. Они целовались. Я гнал. Сильно гнал. И невыносимо зажгло в груди. Я потерял сознание. И всё, больше меня тут нет. Теперь я там.

После этих слов парень замолчал. Мы провели вскрытие, и без проблем нашли причину – лопнувшая аневризма аорты.

Рабочая смена была завершена. Я дописал документы, а Настя убрала секционный зал.

И неожиданно мне показалось, что я окончательно и бесповоротно принял свой дар. Это оказалось не так сложно. Мне нравился факт, что некоторые молчат или ничего не просят. Работа принесла мне огромное удовольствие. Слушая пациентов, было легче найти причину смерти. Уверенность и ощущение уникальности воодушевили меня! С этим

даром можно жить и продолжать работать.

Я дописал отчет, спустился в раздевалку, переоделся и шёл к выходу из бюро, когда меня окликнула Галя.

– Доктор Носков, а вы куда! У вас ещё ночная сегодня.

– Что? Кто сказал?

Галя поманила меня рукой к регистратуре и ткнула длинным красным ногтем в расписание.

– Вот. Ваша смена сегодня ночью.

– А с какого лешего? У меня другой график. Сегодня я только дневную работаю.

– Ну а откуда знаю, Николай Петрович? Мне дали графики, я и слежу за сотрудниками.

– Настя в курсе?

– Я ей сейчас позвоню, а то выскочит и будете без помощника резать, – Галя попыталась пошутить, но у нее не получилось.

– Ну понятно. Звоните ей. А я пойду чуть-чуть отдохну.

Я вернулся в ординаторскую, налил себе ледяной воды и сидел в темноте. Работа в радость, но сил после той операции стало меньше. Я сильно похудел, чувствовал слабость, держа секционный нож и рёберные кусачки.

“Надо чуть-чуть отдохнуть физически и "остудить" мозги после такой нагрузки”.

Я плюхнулся в кресло и только-только поймал волну расслабления, как в дверном проёме появилась Галя. Её красные губы в полумраке выглядели чёрными, пугающими.

– Николай Петрович, новенький приехал.

– Чёрт. Кому приспичило помирать!?! – выругался. – Галя, а ты чего пришла? Позвонила бы.

– Да я решила ноги размять, и так целый день сижу, – как-то странно ответила она мне и ушла.

Я побрёл переодеваться в форму. Раздражение снова крепло, в груди противно чесалось, занял правый бок.

Через десять минут я стоял в полной экипировке в секционном зале. Яркие белые лампы освещали стол, на котором лежал мужчина средних лет.

Я осмотрел тело, и в голове щёлкнуло. Это ОН! ОН. Тот дед, с которого всё началось. Но тело его было худее, опрятнее. Не было страшной растительности на лице и вшей, длинные волосы аккуратно собирались в косу. Я решительно подошёл к нему и схватил за руку. Всё поплыло и завертелось.

– Опять ты, – я начал говорить, но дед перебил меня.

– Не нравится дар?

– Ты зачем мне это подкинул? – заорал я, собрав весь свой гнев в кулак.

– Ты же видишь, что я тоже не могу избавиться от своего дара. Я тут уже третий раз, до этого меня Зингер резал и штопал. Но ты работаешь лучше него. Да и куда крепче оказался.

– Зачем ты меня проклял? Забери обратно, прошу тебя.

– Моя просьба к тебе такова: проведи свою работу так же,

как в первый раз.

– А если я откажусь от тебя? Передам твоё вскрытие другому? – спросил я, смотря на его бледное и неподвижное тело.

– Зингер умер, как только отказался выполнять мою просьбу. Посмотришь, что лучше – слышать мёртвых или быть самому с той стороны.

– Согласен, – испуганно сказал я и начал резать. Голос пациент утих. Я снова вытащили мозг, снова вскрыл грудную клетку рёберными кусачками, снова взвесил органы. Будто до этого человек жил.

Настя ничего не заметила и не поняла. Работа прошла быстро и достаточно приятно, но меня разматывало от одной мысли, что он опять посмел явиться ко мне под нож, будучи дважды мёртвым.

Больше ночью никто не поступал. Я лежал в ординаторской и почти засыпал, как услышал, что Настя и Галя разговаривают. Они говорили, что я изменился, стал хмурым, нервным и неразговорчивым. Но довольно быстро они пришли к выводу, что после такой наркоза мало кто остаётся прежним.

Следующая неделя прошла рутинно и спокойно. Пациенты были по большей части молчаливые, мало кто вступал в диалоги. Но я всё равно напрягался и раздражался, потому что никто не знал, где именно мой брат, его телефон был недоступен. Раиса тоже перестала отвечать на телефон. Я

сходил к ним домой и выяснил, что квартиру они продали. А потом мне Дина рассказала, что Бахтияр бежал в другую страну и был связан с бандитами, взял какую-то огромную взятку у главаря, чтобы подмазать его... Я сразу вспомнил того парня с простреленной головой, и всё встало на свои места. Бахтияр был связан с криминалом. Вот почему он некоторых пациентов вскрывал сам! Он просто подделывал причины смерти, чтобы получить свою долю от причастных к смерти...

Но куда же делась Раиса? Она не выходила в социальные сети, не отвечала на звонки и СМС, и я не знал, где она находится.

***

Как обычно, к восьми утра я зашёл в бюро. Меня встретила Галя, обворожительно улыбаясь. Настроение у меня было прекрасное: позвонил Валька, сказал, что переезжает по трудовому договору на другой конец страны. Я был очень рад за него.

– Доброе утро! Вас уже ждёт пациент, санитары и Настя всё приготовили.

– Да, спасибо, Галя, – сказал я мимоходом и поспешил готовиться к вскрытию.

Я распахнул дверь секционного зала. Пациент лежал на столе, готовый к процедуре. Молодая девушка. Её чёрные густые волосы свисали с секционного стола.... ЧТО?!

– Раиса! – заорал я, рванул к столу и схватил её за руку. –

Раиса, как это случилось?! – кричал я, но она не отвечала.

– Николай Петрович, это что, жена Бахтияра Бахтияровича? – сказала Настя. Я быстро взглянул на ассистентку: с её щёк сошла краска, лицо стало восковое.

– Раиса, ответь же ты мне. Раиса! – повторял я, тряся за её окоченевшую руку. Слёзы покатались из глаз, мне стало плохо и очень больно.

– Николай Петрович, я кого-нибудь позову, мы не сможем провести... – сказала Настя, чуть живая, и выбежала из зала.

– Раиса, я так и не сказал тебе, не признался. Я же тебя люблю. Всегда любил и буду любить. Что случилось?! Почему! – говорил я, растерянно глядя женщину по голове. Моё солнце потухло. Мир перестал существовать. Я даже не успел посмотреть, что с ней случилось.

В зал вбежали новый столичный врач, замещающий Бахтияра, и санитары. Они схватили меня под руки и увели из секционного зала. Я вырывался, кричал, хотел услышать голос Раисы в последний раз. Но меня просто отпустили домой.

Вскрытие провёли этот бородатый врач и моя ассистентка. Позже Настя мне позвонила и сказала причину смерти: самоубийство, отравление. Я, конечно же, не поверил в это.

Не помню, как прошли дни до похорон. Чернота заполнила мысли, эмоции. Бахтияра на проводах в последний путь не появился. Но была Настя и многочисленные родственники, коллеги, клиенты и друзья Раисы. Во мне не было боль-

ше слёз. Я стоял и тупо смотрел, как рыдают люди, как кто-то что-то обсуждает, как некоторым глубоко плевать на происходящее. Пустая чёрная могила тянула меня за собой, и я был готов прыгнуть туда.

Гроб опустили. Я кинул на деревянную крышку три горсти холодной земли. Могилу закопали и заставили венками. Люди разошлись. Пошел противный октябрьский мокрый дождь.

Я ещё долго сидел рядом, положив руки на землю. Я пытался до последнего поговорить с ней, выяснить, что случилось, но Раиса не отвечала.

Вернувшись домой, я запил. До бессознания, до адских болей в правом боку, до рвоты. Как только чуть-чуть очухивался, так сразу заливал в себя отраву. Мир перестал существовать для меня. Сил хватало только дойти до магазина, купить водку и тут же её выпить.

И в один из похмельных отвратительных часов я увидел в утреннем свете свой подоконник: яркое солнце осветило жухлые цветы, покрытые пылью. Цветы умирали.

Трясущимися руками я взял лист бумаги и коряво написал объявление, что отдаю цветы. Оставил свой адрес. Надел грязный махровый халат, тапки на босу ногу и вышел на улицу. Шатаясь, дошел до доски объявлений рядом с домом и прикрепил лист на скотч. Через два-три часа ко мне в дверь постучали.

Я глотнул теплой водки, зажевал корку чёрного сухого

хлеба и побрёл к двери.

На пороге стояла Настя. В её руках был криво оторванный листок, который я написал утром.

– Николай Петрович? – изумлённо проговорила Настя, тебя лист в руках. – Как? Вы?..

– Ну я, забирать будешь? – сказал я, пытаюсь удержать равновесие. – Забирай все горшки, что только видишь. Мне больше ничего не надо.

Настя аккуратно прошла в квартиру, открыла балконную дверь и села ко мне за стол, залитый водкой, коньяком. Она по-хозяйски протёрла скатерть тряпкой и поставила греться чайник.

– Я не боюсь, что вы пьяный. Я ничего не боюсь, – решительно сказала девушка.

– А стоило бы! – выпалил я и опрокинул в себя остатки алкоголя. – На окне горшки. Забирай и уходи, – язык меня плохо слушался и спотыкался на самых простых словах.

– Цветы вам нужнее, чем мне.

Девушка допила свой чай, аккуратно полила все цветы и ушла.

Мне было плевать на неё. Пусть делает, что хочет. Я допил бутылку и провалился в забытьё.

На следующий день мне стало очень плохо. Жуткое, адское похмелье накрыло меня: рвало желчью и желудочной кислотой, дома от всего несло чем-то тухлым и мёртвым. Я сам вонял перегаром, зарос, осунулся, вывалился живот. За

неделю превратился в ничтожество.

– Всё. Хватит. Если не сейчас, то меня затянет, и я больше никогда не вернусь, – крепко и настойчиво сказал я вслух, включил радио, вооружился пылесосом и тряпкой.

Уже к пяти вечера дома было чисто и уютно, как было когда-то прежде. Я сбрил бороду. Почистил зубы.

Три стука в дверь.

На пороге снова стояла Настя, в длинной куртке, из-под которой выглядывала голубая юбка. Её тёплый взгляд растопил моё сердце.

– Я не смогла спокойно спать, зная, что вам нужна помощь, – решительно сказала она и вошла в квартиру.

– Рад, что ты вернулась, – я был в полнейшем изумлении.

– Ого! Так чисто, красиво... – сказала она, проходя на кухню. – И я смотрю, вы привели в порядок не только дом.

Я улыбнулся и включил кофеварку.

Мы долго разговаривали. Я рассказывал про Раису, про работу, про всё, что было у меня на душе, а она вежливо слушала и робко отвечала про себя: училась, работала, влюбилась в своего врача...

Что-то маленькое и тёплое начало распускаться в моей груди. Маленькое, но такое безграничное и приятное.

И я понял, что это было. Любовь! И тут же осознал, что Сигову я вовсе не любил, а Раису любил, как маму, которой мне так не хватало, которая так рано ушла из жизни. Смерть Раисы я пережил снова, как смерть мамы. С Раисой всё по-

вторилось так же, как пятнадцать лет назад, только на этот раз рядом не оказалось брата.

Настя... Наверное, я всегда её любил, только не мог себе в этом признаваться, не мог разобрать своих чувств, потерявшись в этих событиях. Настя казалась бушующим огнем в хрустальной вазе, а эти ее ресницы!

Мы просидели с ней до позднего вечера. Мне никогда ещё не было так спокойно и тепло. Потом мы шли до её дома и молчали. Пошёл первый снег: он мягко покрывал на город, скрывая осеннюю грязь, очищая и промораживая воздух.

У подъезда Настя пообещала прийти завтра и поцеловала меня. Это был самый головокружительный поцелуй в моей жизни.

Окрылённый, я поспешил домой. Никогда ещё любовь не была такой лёгкой и такой живой.

Я решил срезать через старый парк. Фонари не горели, аллея едва виднелась среди черных сосен. Снежинок становилось все больше и больше, ветер кружил их, они липли на мое лицо и сразу же таяли. Я шёл быстро, постоянно наступая в слегка подмерзшие лужи и перегнившие листья.

Вот я уже подошёл к выходу из парка, как меня окликнул бомж, сидящий на лавочке около ворот.

– Пацан, дай сто рублей. Опохмелиться, – проямлил мужик и подбежал ко мне. Он протянул руку. В темноте он выглядел жалко и жутко.

– Держи, мужик. Но это тебе за честность. А то знаешь,

на хлеб там просят... – я достал из кармана бумажку и отдал му. Тот широко улыбнулся беззубым ртом и сказал:

– Ты меня не помнишь?

– Первый раз вижу.

– Да ладно? – он достал из-за пазухи две бумажки и протянул мне. Я взял их в руки и понял, что это. Справки о смерти, из моего бюро. С моей подписью.

– Откуда это у тебя?

– Я твой главный пациент, – мужик расстегнул куртку и оттянул ворот футболки, обнажив грудь. Я увидел шов, который самолично оставил совсем недавно.

– Как? Это нереально! – мне стало дурно, я опёрся на фонарь. Голова закружилась, я сел на землю, в холодную грязь, но мужик продолжал.

– Всё реально. Я тебе дар отдал, поделился. Думал, отпустит меня уже это всё, и на покой уйду. А не тут-то было. Опять двадцать пять... – сказал мужчина.

Мои штаны пропитались грязью. Я сидел, смотрел на него и очень странно себя чувствовал. Будто кто-то схватил меня за сердце и передавил горло.

– Ты прости меня, Коля. Мужик ты нормальный оказался, человек совестный, честный. Если хочешь, я обратно заберу, а ты будешь работать без проблем. Мне уже терять нечего. Проклятье это моё. Всё никак не сдохну.

Я немного подумал, встал и протянул ему руку.

– Знаешь, я тебе благодарен. Эта сила мне в работе помо-

гает. Живым помогает правду знать.

Мужчина пожал мне руку, вытащил из-за пазухи маленькую бутылку водки, прилично отхлебнул и протянул мне. Я отказался. Тогда мужик икнул и сказал особо тепло:

– Верно я тебя выбрал. Ну, бывай.

Позади меня что-то громко скрипнуло, я машинально оглянулся и вернул взгляд на мужчину, но передо мной никого не было. Я стоял в пустом парке, у меня были мокрые и грязные штаны. Ветер успокоился, меня засыпал снег. Было очень тихо. Собеседник будто испарился, растворился в тумане.

Я отряхнул штаны и побрёл домой, вдыхая тяжёлый влажный воздух и раскидывая носками раскисшие жёлто-красные кленовые листья, покрытые первым белым снегом.